

© 2010 г. А.М. Руденко

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИИ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Рассматриваются проблемы реализации смысложизненной интенциональности экзистенции человека в современной социокультурной реальности. Современная социокультурная реальность, выступая своеобразным полем реализации смысложизненной интенциональности, носит кризисный характер. Наиболее острыми социокультурными проблемами реализации смысложизненной интенциональности экзистенции человека выступают: угроза вырождения человечества в результате самоистребления, духовная деградация, информационно-коммуникативный, философско-методологический, демографический кризис, криминализация наиболее важных сфер социокультурной реальности, кризис семьи и извращенность человеческой сексуальности.

Ключевые слова: смысложизненная интенциональность, экзистенция, человек, кризис, культура, социум.

Специфика философско-антропологического постижения смысложизненной интенциональности человека выявляется при выработке наиболее релевантного эвристического базиса концептуализации человека, одной из составляющих которого является конкретно-личностный характер анализа в контексте конкретно-исторической социокультурной реальности, которая выступает своеобразным полем реализации смысложизненной интенциональности. «XXI в. немислим вне культуры. Человек XXI в. немислим без культуры. Культура же неисчерпаема, многолика, всечеловечна. Огромностью своих деяний она перекрывает весь спектр человеческого бытия. Культура бесконечна, заполняя собой все время-пространство» [1, с. 190]. В этом плане уместно вспомнить мысль Ю.А. Жданова: «Мир культуры – мир целостности, охватывающий все стороны деятельности» [2, с. 31]. Но современная социокультурная реальность, на наш взгляд, находится в сложном

кризисном состоянии, что негативно сказывается на всех ключевых характеристиках экзистенции человека. Мы проанализировали состояние современной социокультурной реальности и пришли к довольно неутешительным выводам. Итак, каковы же основные характеристики социокультурной реальности современности?

Во-первых, *в современных условиях налицо угроза вырождения человечества в результате самоистребления*. Еще в середине прошлого века К. Ясперс отметил: «Вопрос о современной ситуации человека как результате его становления и его шансов в будущем поставлен теперь острее, чем когда-либо. В ответах предусматривается возможность гибели и возможность подлинного начинания, но решительный ответ не дается» [3, с. 22]. В наши дни с прискорбным чувством приходится признать, что эта чаша весов все больше склоняется к первому варианту. Не случайно в современном кинематографе стали появляться картины, столь реалистично и довольно убедительно рисующие гибель или переход условий жизни человечества в совершенно новое измерение. Достаточно назвать работы Роналда Эммериха «Послезавтра» (2004) или «2012» (2009), которые во многом можно назвать символическими для современной эпохи. В связи с этим заявление о том, что «человечество впервые за всю историю своего сознательного существования столкнулось с проблемой выживания» [4, с. 50] уже не кажется преувеличением. Мы действительно живем в эпоху катастрофизма, сущность которого проявляется в деградации человека, ядерной угрозе, деградации окружающей среды, отсутствии действенных изобретений для самосохранения, появлении патогенных механизмов, влекущих собой социальные болезни и появлении как следствия этого эпидемий, падения рождаемости и демографический кризис. Подобная позиция сегодня разделяется очень многими авторами. Например, Ю.Ю. Вершинина отмечает: «Проблема выживания связана с теми опасностями, которые грозят человеку – атомная, тепловая, антропологическая, экологическая, демографическая катастрофы, кризис социально-трудовой, социально-политической, экономической сфер, психологический кризис, этические проблемы развития науки» [5, с. 81]. Да, мир всегда был полон опасностей, но в условиях современности проблема выживания стоит чрезвычайно остро. Особенно если учесть опасность ядерной войны, которую сейчас, сознательно или бессознательно, понимает каждый мыслящий человек. И в

особенности в условиях, когда политики США, обладая огромной военной, пропагандистской и финансовой силой, все чаще считают себя способными навязывать миру свою волю. Они заявляют: «Вашингтон вынужден будет решать, кому позволено дожить, сохранив экономический потенциал, до нового тысячелетия – Саудовской Аравии или демократической России» [6, с. 199 – 206]. В результате рациональный выбор и реализация смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции в условиях реальной возможности тотального уничтожения человечества оказываются весьма проблематичными, в какой-то степени даже тупиковыми. Если, конечно, учитывать известную еще с 1866 г. теорию немецкого биолога Эрнста Геккеля о том, что индивидуальное развитие человека (онтогенез) есть сокращенное развитие рода человеческого (филогенез), подтвержденную в учении американского психолога Стенли Холла, то можно не сомневаться и в том, что раз человек смертен, то и человечество тоже смертно [7, с. 69-70]. Но тем не менее, по данным того же С. Холла, человечество, оставив позади животную стадию (младенчество), дикость (детство), начало цивилизации (предподростковый возраст), сравнительно недавно пережило эпоху романтизма, которую он приравнивал к юношеству на уровне онтогенеза, а значит сейчас вступило в стадию зрелости. Но если продолжать и дальше эту аналогию, то можно предположить, что подобно тому, как зрелость каждого человека, хоть и более всего плодотворна с точки зрения достижений, полна и наиболее драматическими событиями, опасностями и коллизиями, подчас трагически прерывающими его экзистенцию, так и зрелость современного человечества имеет все эти характеристики, только во много раз умноженные. Но солидарность с концепцией Геккеля-Холла не уменьшает социального оптимизма – их прогноз все-таки утешителен, поскольку, если логически продолжать их теорию, человечеству отпущено еще не одно тысячелетие. Другое дело, что в то время, когда жили эти ученые еще не было оружия, которое могло бы уничтожить всю планету. Сегодня же это оружие изобретено. В этих условиях проблема смысла жизни в философско-антропологическом ее прочтении, ограниченная рамками самой жизни, и не связанная с религиозным подтекстом, оказывается, как мы уже подчеркивали в тупике. С точки зрения философско-антропологического знания, смерть отдельного человека придает прожитой им жизни смысл тем, что он успел из своего собственного лич-

ностного потенциала реализовать при жизни для других людей, а значит и для прогресса, истории, науки, культуры и т.п. Но какой же будет иметь смысл смерть всего человечества? Это тупиковый вопрос для нерелигиозно ориентированного человека, на который можно ответить лишь надеждой на то, что смерти человечества не будет и быть не может или будет очень не скоро, что на фоне гибели отдельных цивилизаций будут возникать другие и т.п. На уровне человеческой экзистенции подобная потеря смысла для человека обнаруживается, когда он разом теряет близких ему людей. Но когда нет ни близких, ни дальних, тогда теряется всякий личностный смысл.

Во-вторых, следует назвать *острый кризис гуманизма и духовности*, который также приводит к постепенному вырождению если не человечества, то по крайней мере отдельных наций и культур. Еще в середине прошлого века философ-гуманист А. Швейцер писал: «Мы живем в условиях, характеризующихся упадком культуры... Взаимодействие между материальным и духовным приняло роковой характер» [8, с. 232]. С нашей точки зрения, с тех пор эта коллизия только обострилась. «Потеря гуманных ориентиров, – пишет В.В. Вершинина, – девальвация общечеловеческих ценностей, обнищание человеческой культуры, потери человеком человеческого облика являются фундаментом всех существующих на планете проблем, ибо только бедная культура создает предпосылки для безграничной, необоснованной свободы действий» [5, с. 81]. В социокультурной ситуации современности преобладают рационализм и холодный расчет: «Сегодня духовность, как система ценностей, умирает и уступает место материальности. Никогда за всю историю развития человека не было столь всеобъемлющего заката духовности. Поскольку духовность есть синоним человечности, говоря о закате духовности, мы неотвратимо приходим к выводу о закате человека» [9, с. 132]. Люди стремятся к накопительству и увеличению силы, сжигая тем самым мосты в будущее: «Наша жизнь строится по принципам рыночных, капиталистических отношений...» [9, с. 83]. Концентрация вещественных предметов становится богатством, взятом от природы и, следовательно, нарушающим баланс. Богатство увеличивает силовые действия, порождающие тотальный кризис. Обостряется дефицит человечности, заботы о других, человека воспринимают как средство достижения своих целей или как вещь: «Рынок формирует овещнение человеческих отношений, товарный фетишизм, фетишизм денег и

капитала, превращая, вещи и деньги в высшие ценности и сводя Человека к роли и функции вещи...» [10, с. 12]. Рынок учит прагматичности по отношению к ценностям, человек находится в клетке меркантилизма, а «его самоопределение является навязанным, так как жестко подчинено экономозависимым обстоятельствам...» [11, с. 295], поэтому и «современная эра может быть поименована как экономоцентричная, т.е. имеющая центром не общественные, гуманитарные ценности, а приоритеты рыночных отношений» [11, с. 295]. Современность в этом отношении напоминает ту историческую эпоху, о которой К. Маркс: «С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести» [12, с. 151].

В современной социокультурной реальности трудно себе представить социальные механизмы по отношению к человеку, в которых ключевыми ценностями были бы провозглашены такие категории, как «человек», «ценность», «интеллект», «духовность», «безостановочное познание», «само-реализация» и т.п. Еще Э. Фромм отмечал: «С людьми обращаются как с номерами... Люди находят больше удовольствия в механических аппаратах, чем в живых существах» [13, с. 195]. Э. Фромм – один из немногих философов современности, кто с такой аргументированной и последовательной критикой выступает против потери экзистенциальной сущности человека. В работе «Иметь или быть?» Э. Фромм совершенно верно подчеркивает: «Взрослеющий человек вынужден отказаться от большинства своих подлинных сокровенных желаний и интересов, от своей воли и принять волю и желания, и даже чувства, которые не присущи ему самому... В результате сложного процесса внушения определенных идей и доктрин, с помощью всякого рода вознаграждений и соответствующей идеологии общество решает эту задачу в целом столь успешно, что большинство людей верит в то, что они действуют по своей воле, не сознавая того, что сама эта воля им навязана и что общество умело ею манипулирует» [14, с. 101]. Поэтому если Ф. Ницше в веке девятнадцатом говорил, что Бог умер, то в двадцатом веке Э. Фромм скажет, что человек умер. В век нанотехнологий данная тенденция только усиливается. В связи с этим Ю.Ю. Вершинина, может быть, несколько преувеличенно, но все же не без значительной доли правды заключает: «Человек лишился самого человеческого качества – человечности, которая и определяет его как

высшее существо» [5, с. 84]. В современных условиях многие люди утрачивают способность доверительного, эмоционального, близкого общения, разучиваются говорить и слушать других, чувствовать их боль и страдания, что по большей части является результатом психологической войны Запада, который навязывает миру свое мировоззрение через голливудские фильмы, поп-музыку, бульварную литературу и моду. Мировоззрение построенное на провозглашении материальности в качестве высшей ценности, которая зиждется на гедонизме, ибо «эмоции удовольствия и неудовольствия филогенетически являются наиболее древними» [15, с. 128-129], и карьеризме, который «превращается в погоню за личным успехом в служебной, научной или другой деятельности, вызванную корыстными целями в ущерб общественным и профессиональным интересам» [9, с. 117]. Так, падение духовности и гуманизма обуславливают редуцирование векторов интенциональности воплощения смысла жизни человека до уровня материального потребительства: «Кусочек бумаги захватывает власть над людьми, над их чувствами. Все подчиняется власти денег, а страсть к наживе становится главным смыслом бытия» [9, с. 18]. Человек, выполняя функцию «винтика» в системе производства не реализует себя как личность. Это проблема была актуальной для XX в., но она проявляется еще более остро в веке наступившем: «В XXI веке должно проявиться основное противоречие человечества: противоречие личностей и профессионалов, самодеятельности и деятельности. Все это вполне поддается осознанию, если учитывать, что историческое разделение труда сажает людей в «тюрьму» узкой специализации, профессионализации... Универсальный человеческий потенциал реализуется в ходе жизни человека максимум на 6%, тогда как 94 % способностей, талантов и пр. человека уходят с ним в могилу. Старая, как мир, концепция всестороннего развития личности, обоснованная в марксистском мировоззрении, нуждается в конструктивной реализации...» [16, с. 217]. В то же время человек же как существо во многом социокультурное не может не испытывать потребности в духовности, а в ситуации тотальной социокультурной предопределенности, запрограммированности признания высшими ценностями западных идеалов потребительства, во многом диктуемой шаблонами Запада, зачастую приводит к смыслоутрате и, как следствие, – суициду. И повторяем, подобный исход – результат социокультурных и антропологических трансформаций современности: «Сегодня

мы переживаем ценностный и антропологический переворот небывалого масштаба, сравнимый с переходом от обезьяны к человеку, только сегодня с горечью приходится признать, что эволюция человека повернулась вспять, то, что сегодня происходит, можно назвать антропологической контрреволюцией» [9, с. 132]. И на самом деле, научно-технический прогресс и достижение высокого уровня жизни в развитых странах при одновременном, резком снижении нравственности приводит все больший процент людей к разочарованию в жизни, потере ее смысла. Разве это не следствие острого кризиса гуманизма и духовности, отказа от нравственно-духовных ценностей в пользу материально-потребительских? Мы считаем, что духовная деградация – одно из главных препятствий к утверждению жизнестойкости человека. И проблема даже не только в культивировании материальных ценностей, ведь материальные блага могут и способствовать развитию внутреннего потенциала личности, когда человек становится не рабом материального, а ее властелином.

В-третьих, в качестве проблемы реализации смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции в условиях современной социокультурной реальности нужно назвать *информационно-коммуникативный кризис и замена экзистенциальной реальности виртуальностью*. Человек развивается под влиянием информации, но современный поток информации, обрушившийся на человека, сказывается очень пагубно на человеке, его интеллектуальном, духовном, физическом и социально-эмоциональном состоянии. Современный человек испытывает ощущение информационной бездны. Как отмечает Э. Тоффлер, «сегодня каждый человек, у которого есть компьютер и модем, может обратиться за информацией по несметному ряду вопросов к нескольким правительственным базам данных» [17, с. 384- 385]. Информационная атака запада приводит к навязыванию ценностей денег, власти и силы, а СМИ закрепляют в массовом сознании именно эти ценности, поэтому: «Т.е. широкое распространение в данных условиях получает именно гедонистическая ориентация смысла жизни человека, не учитывающая и не принимающая других важных аспектов существования» [18, с. 357]. Распространение современных компьютерных средств коммуникации привело к замене реального живого общения между людьми виртуальным общением в сети Интернет. По данным Е.В. Масаловой, в результате этого у современного человека формируется новое визуальное восприятие и мышление – сложный комплекс

познавательных способностей освоения новой действительности. Она отмечает: «Современный человек получает такое количество информации, что переработать и усвоить ее при привычном линейном мышлении он просто не в состоянии, поэтому приходится оперировать новой визуально-знаковой системой... Основная проблема современности – в первую очередь проблема визуального мышления» [19, 167-168]. Об этом же еще в 70-е гг. прошлого века писал Рудольф Арнхейм, который писал: «В настоящее время можно утверждать, что на обоих уровнях – перцептивном и интеллектуальном – действуют одни и те же механизмы» [20, с. 213]. То есть мысль не возникает в отрыве от чувства, что еще раз доказывает правоту нашей позиции на это счет, изложенной выше, ибо «чувства – это не просто служители интеллекта, не только поставщики сырья...» [19, с. 169]. Кроме того, как показывает Ж. Бодрийар, современную реальность отображает понятие симулякра. Им проводится аналогия с зеркальным отражением, которому не требуется более ни зеркала ни самого исходного предмета. По Бодрийару, симулякр – это не то, что соотносится с истиной, это истина, соотносящаяся с несуществующим [21, с. 135]. Отсюда выводится тождественность между симулякрой и истиной. Вопреки стереотипу обыденного сознания, мыслитель выводит, что масс-медиа не является обменным информационным инструментом. Это не просто совокупность технических средств для распространения информации, это канал для распространения симулякра [21, с. 135]. «Массовая культура, – справедливо отмечает Т.Г. Лешкевич, – замусорена бесконечными выбросами симулякров...» [11, с. 295]. Но не только СМИ, но и компьютерные технологии и Интернет, с одной стороны, увеличивая возможности для реализации человеческого личностного потенциала за счет богатейших информационных и коммуникативных ресурсов, способствует реализации смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции, но с другой стороны – нивелирует самобытность экзистенции, ограничивая ее векторы границами виртуальной реальности. «В настоящее время, – отмечает О.В. Шипелик, – реальность оказывается отделенной от человека некоторым пространством образов, сформированными средствами массовой коммуникации» [22, с. 149]. По мнению В.М. Розина, в условиях современности виртуальная реальность имеет множество разновидностей: имитационные, условные, прожективные, пограничные, эзотерические, психологические, создаваемые VR-технология-

ми [23, с. 258-265]. Люди все более активно осваивают виртуально пространство, привязывая свою профессиональную и бытовую повседневность к экрану монитора. Количество пользователей постоянно увеличивается, и данная тенденция продолжает возрастать. Актуальной становится и проблема «виртуальных романов», являющихся суррогатной формой реальных межличностных отношений мужчины и женщины и накладывающих отпечаток на все последующие личные контакты человека в реальной жизни. Все это обуславливает затрудненность, недостаточность и неудовлетворенность реальным общением человека в эмоциональном плане, что в результате приводит к эмоциональной депривации [24, с. 70-72]. Таким образом, Интернет дает человеку не общение, а его иллюзию, не переживания, а их иллюзию, обеспечивая псевдозащиту от естественных страхов, которые сопровождают реальную жизнь, делая человека неподготовленным к ним, а значит беззащитным и уязвимым перед лицом суровой реальности.

В-четвертых, *экономический и политико-правовой кризис, порождающий разгул преступности*. Рост преступности – характерная черта современности: «За последние 30-40 лет численность преступлений увеличилась в США в 7-8 раз, во Франции в 5-6 раз, в Германии в 3-4 раза, т.е. рост идет не на несколько процентов а на 300-800 %» [9, с. 208]. Не случайно «в США в 2008 году в бывшем здании суда напортив мэрии Лас-Вегаса открывается первый в мире музей мафии, а 7,5 миллионов на этот проект выделено из *муниципального бюджета*» [9, с. 209]. Одним из представлений современного массового сознания, по крайней мере российского, является убежденность в том, что добиться значительных успехов в карьере, достигнуть преуспевания, которое массовое сознание связывает с богатством, славой, властью и т.п., т.е. всего того, что часто массовый человек связывает с понятием самореализации, невозможно, не нарушая закон. Проблема эта не новая, можно даже предположить, что она вечная, ибо, например, еще К. Гельвеций писал, что роскошь отдельных лиц знаменует собой разделение общества на воров и обворовываемых, а О. де Бальзак – то, что в истоках каждого крупного состояния лежит преступление. Но нужно отметить, что в современных условиях данное представление перестает быть простым стереотипом и становится особенно актуальным. Как отмечает В.И. Катин, «современная российская культура изменила свое традиционное гуманистическое предназначение и трансформиро-

валось в средство распространения антикультурных артефактов, одним из которых является криминальная субкультура и ее романтизированный образ» [25, с. 218]. Для нас эта проблема важна потому, что *представление о криминализации наиболее важных сфер социокультурной реальности и сама криминализация как таковая являются мощными сдерживающими началами механизма самореализации личности, которая, желая сохранить моральную цельность и нравственную чистоту и не желая вступать на путь преступлений, мелких или крупных, отказывается от борьбы за воплощение индивидуальных смысложизненных ценностей.* Все это усугубляется процессами, мафиизации, «геттоизации» и «анклавизации», когда «представители высших слоев троют в городах закрытые кварталы-анклавы... чтобы исключить всякие контакты в другими слоями» [26, с. 21]. В то же время, к примеру, большинство экономических преступлений связано не только и не столько с нечестностью самих людей, их совершающих, сколько с несовершенством политико-правовой системы, ставящей человека на путь выбора: либо отказаться от своих целей и сохранить «нравственную чистоту», тем самым обрекая себя на нищенское существование, либо, учитывая правила игры, существующие в системе, добиваться поставленных целей, находя приемлемое для самооценки рациональное объяснение своим действиям, ибо «закон могуч, но власть нужды сильнее» (И. Гете). И поскольку рационализации поддаются даже самые страшные преступления (как известно, А.Р. Чикатило считал себя санитаром общества), то самооценка человека, выбирающего второй путь, снижается довольно редко (достаточно вспомнить Остапа Бендера, который чтит уголовный кодекс). Ведь, как считал Ш. Монтескье, народ всегда больше защищает свои нравы, чем свои законы. Но по закону, человек, совершая преступление, становится преступником, а значит подвергает себя новой опасности прекратить и не сумеет до конца воплотить задуманное, его идеалы смысложизненной интенциональности. Хотя от подобного прекращения не застрахован и тот, кто пытается строить свою профессиональную деятельность в рамках существующего закона, смиряясь с его несовершенством, и тот, кто становится на пути ключевых представителей существующей системы. Поэтому процесс самореализации, воплощающий смысложизненную интенциональность человеческой экзистенции, прерывается, иногда трагически (достаточно вспомнить известного журналиста, генераль-

ного директора ОРТ Владислава Листьева, убийство которого за 15 лет так и не раскрыто).

В-пятых, следует назвать *философско-методологический кризис, связанный с связанной с фундаментальной переориентацией философского мышления в постмодернистском дискурсе*, поставившем под сомнение возможность адекватной экспликации всякой философско-антропологической и социокультурную реальность. Как отмечает, Ю. Хабермас, современность следует рассматривать как «деформированную реализацию разума в истории» [27, с. 98]. Он показывает, что «произошло разъединение модерности и рациональности» [28, с. 9]. Философское знание XX века характеризуется отходом от рационалистического философствования. Мыслить по-современному – значит мыслить ризомно, в вещах, среди и между вещей. Терминология, используемая в постструктурализме, встречается и в постмодернистском дискурсе. Понятие «постмодерн» (post – после) с восьмидесятых годов XX века прочно вошло не только в университетский, но и в повседневный лексикон. Рождение постмодерна и необходимость нового критического омыления проблемы человека к контексте философской антропологии стали следствием глубокого кризиса модерна, его основных постулатов и базовых ценностей. Постмодерн – это особый тип мировоззрения, в котором главными ценностями провозглашены свобода во всем, спонтанность и желания человека, его игровое начало. В этой связи Л.В. Жаров пишет, что «человечество слабо, но в этой слабости и податливости заключена огромная мощь и способность к адаптации... Исчерпав логику классического рационализма, оно стало обращаться к интуитивным решениям, как ребенок видит мост там, где взрослый видит только пропасть» [29, с. 8]. Речь идет о радикальном плюрализме современной культуры и общества. Понятно, что в такой ситуации сложно найти какие-либо четкие критерии реализации смысложизненной интенциональности.

И наконец, острейшей проблемой реализации смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции в условиях современной социокультурной реальности следует назвать *демографический кризис, кризис семьи и извращенность человеческой сексуальности*. Одним из источников этой проблемы, безусловно, стала пресловутая сексуальная революция, прошедшая в послевоенные годы прошлого века. Сексуальная революция, по Э.

Гидденсу, привнесла *повышение толерантности к добрачным половым связям и нетрадиционным формам совершения полового акта, к гомосексуальным отношениям и расширение разнообразия сексуальной практики в массовом масштабе*. Подобные взгляды имеют множество сторонников среди даже выдающихся мыслителей современности. К примеру, Батай в своей знаменитой работе «Слезы эроса» ставит перед собой задачу постичь абсурдность отношений эротизма и морали, считая, что «исток этой абсурдности задан в отношениях эротизма и самых отдаленных религиозных суеверий» [30, с. 271]. Батай пишет: «Наступает время, когда человек должен рассчитывать на что-то более веское, чем ничто, чем воздаяние или наказание после смерти... Отклик на эротическое вождение – так же как на, возможно, более человеческое (менее физическое) вождение поэтическое, или экстазическое (но как отграничить эротизм от поэзии или эротизм от экстаза?), – так вот, отклик на эротическое вождение и есть цель» [30, с. 271-272]. Однако, с точки зрения Батая, не весь эротизм является в этой слепящей цели. Он разделяет эротическую деятельность, следствием которой может быть рождение ребенка, и заботу о ребенке, без которой дети в конце концов страдали бы и умирали. По Батаю, полезная сексуальная деятельность отличается от эротизма постольку, поскольку эротизм есть цель нашей жизни. Сущность человека, как она дана в его сексуальности – которая есть исток и начало человека, – ставит перед ним проблему, разрешение которой ведет к безумию.

Образ этого безумия дан в наивысшем эротическом переживании, в эротическом экстазе, оргазме, властно, наподобие смерти, лишаящем человека разума. То есть Батай показывает взаимодействие области эротического экстаза, с могуществом смерти лишаящего человека разума, с областью окончательной смерти, областей сладострастия и безудержного исступления. Но к чему приводят подобные идеи? К кризису семьи и, как следствие, к демографическому кризису, в том числе и в нашей стране «ибо сфера сексуальности для России приобретает грани, имеющие прямое отношение к выживанию и дальнейшему развитию нации» [31, с. 111]. Можно конечно предположить, что может воплощать смысложизненные доминанты и вне рамок семьи, поскольку «в профессиональной деятельности человек имеет возможность раскрыть и проявить свои способности, личностные и профессиональные качества, добиться признания своей неповторимости, значимости для других лю-

дей и общества в целом» [32, с. 342]. Например, Ф. Бэкон считал, что все великое совершалось холостяками: «Семья – помеха на пути свершения великих предприятий, как добродетельных, так и злонамеренных... самые лучшие начинания принесявшие наибольшую пользу обществу, исходили от неженатых и бездетных людей» [33, с. 364-367]. Конечно, Бэкон отчасти прав, ибо истоки гениальности, как показывает проделанный нами анализ многочисленных биографий выдающихся личностей, во многом лежат в страдании, и наиболее страдающие люди, но умные и наделенные при этом талантом и трудолюбием, как правило и творили прогресс. Особенно это касается сферы художественного творчества. Невольно возникает представление о том, что главный смысл жизни одних людей, реализующихся в карьере и творчестве («путь страдающего гения») – качественный прирост условий для жизни, а других людей, реализующихся в семье, – количественный прирост численности населения, потребляющего плоды, созданных людьми первой группы («путь счастливой посредственности»). Хотя последнее можно оспорить, ибо, как отмечает В.Л. Иноземцев, «профессиональная деятельность любого человека остается основным содержанием его жизни, и если неудовлетворенность ею вызывает необходимость искать более привлекательное дело в свободное время, человек вряд ли способен достичь подлинного душевного равновесия» [34, с. 105].

Но история знает и примеры, когда человек ярко мог реализовать себя как в творчестве, так и в семье. Подобные примеры есть и в условиях современной культуры – это, например, жизнь и творчество всемирно известного кинокомпозитора Джерри Голдсмита (1929 – 2004), признанного универсального гения киномузыки (на его счету музыка более к 250-ти фильмам, многие из которых очень известны), лауреата многочисленных премий (в том числе премия «Оскар» за музыку к фильму «Омен» (1976) Р. Доннера) и в то же время прекрасного семьянина, имевшего к моменту смерти пять детей, шесть внуков и правнука [35, с. 146-153]. И на наш взгляд, именно на таких людей и нужно ориентироваться при наличии желания максимально продуктивно воплотить собственную смысложизненную интенциональность. Мы считаем, что исключительно карьерная самореализация пагубна для человека. Она особенно опасна для человеческой экзистенции, поскольку именно семья и брачно-семейные отношения, по данным многочисленных исследований, яв-

ляются наиболее важными источниками положительных эмоций и удовлетворенности, что по мнению М. Аргайла, и составляет понятие счастье: «Брак оказывает значительное воздействие на счастье, физическое и психическое здоровье, но утрата супруга или супруги – крайне тяжелая травма. Семейная жизнь – это источник счастья...» [36, с. 106]. Можно утверждать, что не только счастья но и долголетия, ибо как пишет профессор М.М. Карпов, которому на момент написания этих строк 96 лет (р. 1914), «чем счастливее и полноценнее семейная жизнь человека, тем больший век ему отпущен» [37, с. 16]. Конечно, смысложизненная интенциональность человеческой экзистенции не может быть поглощена только семьей (хотя известно много и таких примеров), поскольку важнейшей характеристикой смысла жизни, как считает М.М. Карпов, является его многокомпонентность и несводимость к какой-либо одной цели, к одному виду деятельности [38, с. 107]. Но семья вносит значительный вклад в воплощение смысложизненной интенциональности человека, поэтому ученый отмечает: «Крайне важно, чтобы любовь молодых людей завершалась браком и образованием прочной семьи. Более того, чтобы население не вымирало и общество не катилось к гибели, необходимо хотя бы простое воспроизводство, при котором в семье должно быть в среднем не менее 2,6 детей... Рождаемость в России недостаточна даже для простого воспроизводства народа, в ней 53 % семей состоит из двух родителей и единственного ребенка... Медленная смерть грозит всему современному цивилизованному обществу...» [39, с. 49]. По нашему мнению, все это не является преувеличением. Эпохальной чертой современной семьи является значительное ослабление (или даже утрата) репродуктивной и экономической функции и ее эволюция к супружеской форме, где первенство отдается личностно-эмоциональным отношениям супругов, основанный на культуре эгоцентризма с ценностями индивидуализма, личностных достижений, независимости и усиленным ощущением собственного сильного «Я». Отсюда – неполные браки, как следствие, искаженные формы воспитания, наносящие глубочайшую травму ребенку как формирующейся личности: «Среди семей на начало 90-х гг. 11 % относилось к неполным. Нынешняя ситуация выглядит еще хуже. Сегодня каждый седьмой ребенок в стране воспитывается в неполной семье...» [40, с. 12]. И эта тенденция в условиях современной социокультурной реальности все более усиливается.

Все это в значительной степени осложняет экзистенцию человека, порой делая ее невыносимой, искажает или ломает те векторы смысложизненной интенциональности, которые человек намечает в ходе жизнедеятельности, ибо их воплощение в повседневности немыслимо как вне рамок его профессиональной деятельности, так и вне рамок семьи. Обе сферы, профессиональная и приватная, в совокупности содержат в себе все возможное для человека поле для его самореализации, взаимопроникая и взаимодополняя друг друга в том или ином процентном и качественном соотношении.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Современная социокультурная реальность выступает своеобразным полем реализации смысложизненной интенциональности экзистенции человека. Анализ состояния современной социокультурной реальности указывает на кризисный характер ее основных проявлений.
2. В современных условиях налицо угроза вырождения человечества в результате самоистребления. В условиях гибели человечества для нерелигиозно ориентированного человека смысл теряется. На уровне человеческой экзистенции подобная потеря смысла для человека обнаруживается, когда он теряет всех близких ему людей.
3. Острый кризис гуманизма и духовности также приводит к постепенному вырождению человечества. Именно духовность вывела и подняла человека из животного царства, поэтому современный закат духовности – это и закат человечества.
4. В условиях современной социокультурной реальности обостряется информационно-коммуникативный кризис, происходит замена экзистенциальной реальности виртуальностью.
5. Представление о криминализации наиболее важных сфер социокультурной реальности и сама криминализация как таковая являются мощными сдерживающими началами механизма самореализации личности.
6. Философско-методологический кризис, связанный с фундаментальной переориентацией философского мышления в постмодернистском дискурсе, поставил под сомнение возможность адекватной экспликации смысложизненной интенциональности в контексте современной социокультурной реальности.

7. Острейшей проблемой реализации смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции в условиях современной социокультурной реальности является демографический кризис, кризис семьи и извращенность человеческой сексуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронина Н.И.* Культура XXI века: модернизация или прорыв в новую реальность // *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века.* 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Выпуск №12. СПб., 2001.
2. *Жданов Ю.А.* Проблемы теории и истории культуры. Ростов-на-Дону, 2005.
3. *Ясперс К.* Власть массы (из книги «Духовная ситуация времени») // *Призрак толпы.* М., 2008.
4. *Горюнов И. А.* Истинный гуманизм как альтернатива современным технологиям манипуляции человеком // *Гуманизм как теоретическая и практическая проблема XXI века: философские, социальные, экономические и политические аспекты: Доклады выступления.* М., 2004.
5. *Вершинина Ю.Ю.* Дефицит гуманизма – основная характеристика современности // *Человек и общество: на рубеже столетий: международный сборник научных трудов.* Выпуск XXXVI. Воронеж, 2006.
6. *Яковлев А.Г.* Конструктивные амбиции и нерациональные интересы М., 2002.
7. *Руденко А.М.* Психология для медицинских специальностей. Ростов-на-Дону, 2009.
8. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. М., 1993. – 512 с.
9. *Вальцев С.В.* Закат человечества. М., 2008.
10. *Бузгалин А.В.* На пути к социальному освобождению Человека // *Гуманизм как теоретическая и практическая проблема XXI века: Доклады и выступления.* М., 2004.
11. *Лешкевич Т.Г.* К осмыслению современного имиджа России // *Русская философия и российская государственность. Сборник научных трудов.* Ростов-на-Дону, 2009.
12. *Маркс К.* Капитал. Т.2. М, 1985.

13. *Фромм Э.* Душа человека. М., 2004.
14. *Фромм Э.* Иметь или быть? Ради любви к жизни. М., 2004.
15. Психология. СПб., 2002.
16. *Калинина Т.В.* Формирование человеческого потенциала // *Философия в XXI веке: международный сборник научных трудов.* Выпуск 12. Воронеж, 2007.
17. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2001.
18. *Музыка О.А.* Аксиологическая и информационная безопасность как проблема государственного управления // *Русская философия и российская государственность. Сборник научных трудов.* Ростов-на-Дону, 2009.
19. *Масалова Е.В.* «Визуальное мышление» как культурный феномен // *Философия в XXI веке: международный сборник научных трудов.* Выпуск 9. Воронеж, 2006.
20. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие М., 1974.
21. *Руденко А.М.* Идея симулякра Жана Бодрийара в экспликации современной социально-политической реальности // *Седьмые межрегиональные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы. Тезисы докладов и сообщений.* Новочеркасск, 2006.
22. *Шипелик О.В.* Современные проблемы теории познания // *Философия в XXI веке: международный сборник научных трудов.* Выпуск 9. Воронеж, 2006.
23. *Розин В.М.* Философия техники. М., 2001.
24. *Руденко А.М.* «Виртуальные романы» как форма компенсации эмоциональной депривации современного человека // *Социально-гуманитарные проблемы современности.* Шахты, 2008.
25. *Катин В.И.* Феномен трансформации культуры в активное средство романтизации преступной деятельности // *Человек и общество: на рубеже столетий.* Выпуск XXXVI. Воронеж, 2006.
26. *Александрова М.А.* Функциональное значение успеха личности. Ростов-на-Дону, 2005.
27. *Habermas J.* *Autonomy and Solidarity.* London – New-York, 1992.

28. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2008.
29. *Жаров Л.В.* Целительная сила секса. Ростов-на-Дону, 2004.
30. *Батай Ж.* Слезы Эроса // Танатография Эроса. СПб., 1994.
31. *Жаров Л.В.* Парадоксы русской сексуальности. Ростов-на-Дону, 2006.
32. *Руденко А.М.* Карьера в российских условиях начала XXI века // Экономика России: XXI век: международный сборник научных трудов. Выпуск 7. Воронеж, 2007.
33. *Бэкон Ф.* Опыты или наставления нравственные и политические. Т. 2. М., 1972.
34. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
35. *Руденко А.М.* Судьба музыкального гения в современной культуре: композитор Джерри Голдсмит (1929 – 2004) // Человек и общество: на рубеже столетий: международный сборник научных трудов. Выпуск 39. Воронеж, 2007.
36. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб, 2003.
37. *Карпов М.М.* Как дожить до ста лет. Ростов-на-Дону, 2000.
38. *Карпов М.М.* Смысл жизни человека. Ростов-на-Дону, 1994.
39. *Карпов М.М.* Что такое любовь? Очерк. Ростов-на-Дону, 2005.
40. *Шнейдер Л.Б.* Психология семейных отношений. М., 2000.